

СМЕРТЬ ВРАЧА В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ПАЛАТА № 6»

Ангелика Молнар
Венгрия, г. Дебрецен
manja@t-online.hu

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются диалогические прения главных героев повести Чехова «Палата № 6». Так как эта тема уже глубоко развита многими исследованиями, мы постараемся бросить на нее новый свет при помощи поэтического анализа мотивов, которые нам кажутся ключевыми. Выдвинутые в повести проблемы свободы, безумия, случая и суда обсуждались также А.С.Пушкиным, И.С.Тургеневым, Л.Н.Толстым. нас интересует, под каким углом зрения ставит Чехов данные проблемы. Потребность диалога в повести писателя можно трактовать в качестве формы для рождения самоосмысления. Все, что не высказывается прямым словом героя или нарратора, манифестировано на уровне знаков, выстраиваемом субъектом текста. Это подвергнуто анализу параллельно смыслово-содержательному аспекту.

Ключевые слова: «Палата №6», проблематика повести, диалог героев, мотивный аспект, редистрибуция знаков

The death of the doctor in the A. Chekhov's short story *Ward No. 6*

Angelika Molnár
Hungary, Debrecen
manja@t-online.hu

Abstract. This article discusses the main characters' dialogic debates in the short story *Ward No. 6* written by Anton Chekhov. Because this theme is already deeply explored in many studies, we will throw new light on it using poetic analyses of motives that seem to be of key importance. Questions that are put forward in the story concern liberty, madness, case and court, and they are also discussed by A. Pushkin, I. Turgenev, L. Tolstoy. The author wonders what Chekhov's point of view is on the problems. The need for dialogues in the writer's story can be interpreted as a form of self-consciousness. All that the writer shows as a direct hero's or narrator's words is manifested at the level of the discourse of subject in the text. This is parsed in parallel with the semantic-thematic aspect.

Keywords: *Ward No. 6*, thematic problems of the story, the characters' dialogue, motivic aspect, redistribution of signs

В нашей статье рассматривается процесс осмысления доктором Рагиным, главным героем «Палаты № 6» А.П. Чехова, окружающего мира и себя, переоценка им перед смертью своих прежних позиций и мыслей. Мы рассматриваем поэтическую функцию как мотивов, так и звукоповторов в развертывании этого процесса. В ходе краткого анализа фигуративной упорядоченности текста раскрывается особая модель параллелизации как смыслового порядка, так и означивания темы повести.

В XII главе повести обрушивается первый удар на Рагина, другим словом, начинается его Голгофа: Хоботов и белокурый доктор проводят экспертизу на умственные способности врача. У Рагина возникает несвойственное ему раздражение. Он возмущается не столько из-за ситуации, сколько из-за некомпетентного обращения к нему: «Они понятия не имеют о психиатрии!» (С. VIII, 108). Рагина объявляют сумасшедшим не столько по той причине, что он ведет монашески замкнутую жизнь и осуждает скучную городскую жизнь с картами и сплетнями, сколько из-за его общения с больным Грозовым, которого к тому же он называет «замечательным пророком» (С. VIII, 107). Доктора отправляют в отпуск, то есть на пенсию. Отставку он принимает равнодушно, так как и до сих пор неохотно ходил на работу, будучи одолеваем привычкой.

Рагин реагирует на унижение тем, что уезжает «из города, где глупые люди считают его сумасшедшим». Мысль уехать из города «улыбнулась ему» (С. VIII, 109), то есть временно дает ему наслаждение. Михаил Аверьяныч уговаривает врача уехать с ним в путешествие и тем самым нарушает заведенный порядок его жизни. Выясняется, что почтмейстер высоко оценивает Андрея Ефимыча (как и горожане Ивана Дмитрича) за образованность и благородство души, однако на самом деле относится к нему безразлично, не с настоящим участием.

После экзамена Рагина, утверждая, что он говорит правду («я по-военному режу правду-матку»), почтмейстер также относит своего «совершенно здорового» друга к больным: «вы нездоровы!» (С. VIII, 108) и таким образом, подрезывает его. В свете этого раскрывается и то, как пошлы высказывания Михаила Аверьяныча о прежней, здоровой жизни. Все кажется ему прекрасным только потому, что раньше можно было брать взаймы без векселя, были какие-то приключения и люди красиво питались. Эти аспекты реализуются во время путешествия героев.

Рагин теперь обращает внимание на окружающий мир и сталкивается с тем, как сильно отличаются «прохладные, ясные» дни от гневного характера Михаила Аверьяныча. Тот сводит людей с ума (см. историю больного сортировщика) не только на почте, а в транспортных средствах, гостиницах и ресторанах также ведет себя со всеми неделикатно: «багровел, трясся всем телом и кричал: “Замолчать! не рассуждать!”» (С. VIII, 109), то есть запрещает думать и высказывать мнение. Отмечаются его глаза, которые показывают обратное, будто он лжет. Почтмейстер теперь воплощает для врача «раздражение»: он «дышал в лицо Андрею Ефимычу и хохотал ему в ухо» (С. VIII, 109). Он как раздражитель из внешнего мира, «сквозной ветер», который не только издает сильные звуки, шум – «Он горячился, говорил громко и не давал говорить другим» (С. VIII, 109-110), – но и не дает «рассуждать», мешает «думать и сосредоточиться». Андрей Ефимыч поэтому и задается вопросом, осмысляя разницу между больными и здоровыми: «Кто из нас обоих сумасшедший?». Теперь ему кажется, что тот, кто «никому не дает покоя» (С. VIII, 109-110), тем самым для героя раскрывается аналогия между отсутствием ума и действием «мешать».

Параллельно этому в городе погода ухудшается: ноябрь и на дворе лежит глубокий снег. Андрею Ефимычу придется претерпеть еще одно крупное изменение: он сменяет свой дом и переезжает в более тесную квартиру, без покоя и комфорта. Происходят изменения и в самом герое: он уже способен испытывать жалость к плачущим детям, они его не раздражают так, как в больнице. Более того, их укладывание «доставляло ему большое удовольствие», а чтение же «утомляло» (С. VIII, 114), то есть влияло на него, как раздражительный фактор. Каталогизация книг, подобно другим однообразным домашним работам (чистить с Дарьюшкой картофель) «убаюкивала его мысли» (С. VIII, 114), то есть упраздняла его прежние привычки и наслаждения. Доктор обращается и к вере: стал ходить в церковь. Но быт и засасывает Рагина, поэтому вместо философских он «предавался мелочным мыслям» (С. VIII, 114. ср. мелюзга) из-за нехватки денег, неимения пенсии.

К врачу Громов теперь относится так же, как тот к почтмейстеру: «просил оставить его в покое», называя их беседы с доктором «пустой болтовней» (С. VIII, 114.). Но Михаил Аверьяныч не оставляет доктора в покое, к тому же из-за стыда за долг, он стал «хохотать громче и рассказывать смешнее» (С. VIII, 115). Эти признаки и действия оказывают на врача обратное влияние. Акцентируется необходимость смены громкого слова на тихое, спокойное. «Друг-архангел» становится настоящим врагом, причастным к размещению врача в палате № 6. Андрей Ефимыч возражает, и на этот раз он старается уверить своего квази-друга: «Не верьте им! Это обман! Болезнь моя только в том, что ... я нашел во всем городе одного только умного человека, да и тот сумасшедший» (С. VIII, 118). Михаил Аверьяныч не понимает высказанную доктором правду, только тупо повторяет свое: «Ложитесь в больницу» (С. VIII, 118). У Беловой на самом деле такая же «теснота, нечистота, ухода ... нет» (С. VIII, 118), как в больнице, но почтмейстер не понимает этого сходства. Больница же становится эквивалентом лжи и ямы для доктора. Он осознает отсутствие выхода из «заколдованного круга» и приближение к смерти: «участие моих друзей, клонится к одному – к моей гибели» (С. VIII, 118).

От болтовни и лжи почтмейстера Андрей Ефимыч чувствует тошноту, будто на душу «ложились накипь» и «становится всё выше и словно подходит к горлу» (С. VIII, 115). Прежние доводы о вечной смерти и отсутствии следа человека в природе уже не помогают ему перебороть раздражение. Осознавая ложь слов Михаила Аверьяныча («варшавский долг, ... возвращу» С. VIII, 116.) и Хоботова, «надоела эта канитель» (С. VIII, 116.), Рагин чувствует невыносимость таких речей и выходит из себя: «Это пошло!», «против воли вдруг сжал кулаки и поднял их выше головы. – Оставьте меня! – крикнул он не своим голосом, багровея и дрожа всем телом» (С. VIII, 117). Его жесты и действия наделяются теперь признаками как почтмейстера, так и Громова (см. «багровеет», «дрожать»). Однако слово-оценка «пошло» подтверждает скорее общность с последним.

Прозвучит самое сильное осуждение врача: «Тупые люди! Глупые люди!» (С. VIII, 117) – в отношении Михаила Аверьяныча и Хоботова. Он бросает им вслед и квази-лекарство: склянку с бромистым калием, которая «со звоном разбилась о порог» (С. VIII, 117). Врач уничтожает как пробную форму лечения, так и ненастоящие человеческие отношения. Рагин повторяет как слова Ивана Дмитрича «Убирайтесь к чёрту!», так и движения: «дрожа, как в лихорадке» (С. VIII, 117).

Позже сам герой удивляется своему поведению, неожиданно сталкиваясь с провалом своих убеждений: «Где же ум и такт? Где уразумение вещей и философское равнодушие?» (С. VIII, 117). Он просит прощения у Михаила Аверьяныча, который отвечает на это «растроганно», то есть сентиментально: «Кто старое помянет, тому глаз вон» (С. VIII, 117). Ложь такого поведения (реализация слепоты) обнажается следующим жестом почтмейстера: «вдруг крикнул он так громко, что все почтальоны и посетители вздрогнули» (С. VIII, 117). Он наводит страх на других своими вербальными проявлениями, которые можно понимать как особую форму насилия (даже когда зовет Любавкина). В отношении Рагина его участие и слезы (слащавое обращение «голубчик») выражаются в предложении ложиться в больницу, то есть он приписывает выходку доктора болезни и не принимает на свой счет. Прозревающий доктор уже не может терпеть ложь и говорит только, как и Громов, «с раздражением». Он не различает сумасшедшего и преступника, а возводит этот тезис до закона и осмысления, до которого старые люди могут дорасти. В наррации вставится заметка об обстоятельствах диалога с Михаилом Аверьянычем: «у решетки толпилась публика» (С. VIII, 119). Чехов проводит аналогию между больницей и тюрьмой как в буквальном, так и переносном значении. Главными общими атрибутами являются ограждающие забор и решетка. Отметим, что в данной повести имеется еще одно заведение, составляющее «троицу» локусов смерти – это почта. Тем более что об этом упоминается в контексте утверждения безразличия такой жизни и смерти.

Но если почтмейстер имеет право на выходки против людей, поступок врача вызывает страх и желание оградиться от него. После последнего разговора Хоботов обманом («осложнение со стороны легких») и молча привлекает врача, как бы на консилиум, в палату № 6, где «помещались умалишенные» (С. VIII, 119). Нагромождение следующих звукоповторов обозначает переосмысление как больных, так и флигеля.

Палата № 6 расположена на территории городской больницы. Провинциальный город в повести не имеет наименования; он является собирательным образом, как об этом отзывался уже Лесков: «В “Палате № 6” в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду – палата № 6. Это – Россия...» [Чехов в воспоминаниях... 1947: 316]. Кроме того, город реализует в тексте внутреннее значение слова «ограждения». Его границы-пределы доктор пересекает только тогда, когда приезжает сюда работать и когда уезжает в отпуск, чтобы затем вернуться и умереть.

Больница тоже раскрывает этимологию этого слова: она несет только боль и вовсе не подходит под название «богоугодного заведения».

Во-первых, она «в ужасном состоянии». Во-вторых, в ней тяжело «дышать от смрада» (С. VIII, 83). Смрад же относится к аду не только как его свойство, но и по значению слова: обозначает как ад, так и смерть.

Флигель, в котором находится палата № 6, тоже не соответствует своему назначению: «не угоден богу». Палата не может быть и обителью, хотя предназначена быть домом его обитателей. Человеческой постройкой угрожающе овладела природа в виде сорняков (лесом репейник), и можно ожечься о крапиву. Строение гниет, разрушается: «крыша на нем ржавая» (С. VIII, 72.) точно так же, как и жизнь людей, закрытых в нем. Выход с территории больницы на свободу символизирует задний простор – поле, однако флигель огражден острым частоколом. Таким образом постройка тоже закрыта от внешнего мира. Это символизируют и железные решетки, которые по определению текста «обезображивают» окна (оставляют «без образа» отверстия во внешний мир).

Место превращает человеческие существа в животных, лишает их воз-духа и «божественного» образа. Согласно сравнению, человек здесь будто попадает «в зверинец». Палата № 6 представляет собой свалку не только «больничного хлама» (С. VIII, 72), но также и людей, названных больными. Фоническая секвенция, составляющая слово «палата», повторяется и в других названиях предметов и одежды: больные «утираются фалдами халатов», получают «оловянные» кружки чая (С. VIII, 72). Общность знаков создает общность самых значений этих слов. Как и в самой больнице, разрушение, гной выражается в вони, «удушливом запахе», издаваемом плохой пищей (кислые щи и каша) и тлением тел. Не случайно многократно повторяется ссылка на неприятный запах в больнице. В этом заведении присутствует только боль и гной. Однако вонь не может «сама выветриться» ни в буквальном, ни в переносном смысле (вентиляция, антисептики все очистили бы): чистый воздух метафорически представляет наличие духа.

Отсутствие любых перемен, однообразие жизни также придают всему характер постепенного умирания. В окраске здания и в облике больных (в больничных халатах и колпаках) доминирует голубой цвет, что мог бы означать оттенок небесного, однако грязь и закопченость от утара превращают помещение в темное и замкнутое пространство, в котором нет выхода ни запаху, ни огню-дыму. Привязанность к одному месту (в виде предметов: «кровати, привинченные к полу») вообще не позволяет двигаться, а запертая дверь запрещает покинуть помещение. Детализируемый «унылый, окаянный вид» (С. VIII, 72) палаты отражается и на внешности людей, запертых в ней.

Синтагматическая близость усиливается и фонической связью между словами «палата» и «палач» в связи с образом Никиты, который дает доктору больничный «халат», «рубашу», от которого «пахло копченою рыбой» (С. VIII, 120), а затем становится и его палачом. Надевая на себя халат, Рагин сменяет свой статус с доктора на больного и более того: «в своем новом костюме он похож на арестанта». Больничная вонь буквально

переходит к нему: «вытер рукавом со лба холодный пот и почувствовал, что всё лицо его запахло копченою рыбой» (С. VIII, 120).

Время суток – вечер и темнота: «смеркалось» – снова маркируется как время «смерти». Скука приводит к утверждению не-жизни: зачем должны лекарства облегчать страдания, если они могут привести к совершенству жизни, непохожей на жизнь аморфной амёбы? Рагин осознает, что и больница, и палата № 6 – мерзость. На предыдущем же этапе осмысления герой понимал так: «мерзости нужны, так как они с течением времени перерабатываются во что-нибудь путное, как навоз в чернозем» (С. VIII, 83-84). В этом сравнении героя звучит только переложение ответственности на мечту о лучшем будущем, но на самом деле это его лень не позволяет осуществить перемены, и остается только смертельный застой. Лень раньше покрывалась философствованием. Теперь врач сталкивается с реализацией своих тезисов на практике.

Переодеваясь, в мыслях врач еще держится за свою концепцию «всё равно...»: нет разницы в том, где он находится. Различие между квартирой и палатой однако сразу же выявляется: тишина вечера в гражданской жизни обозначается присутствием «книги и лампы с зеленым колпаком», а здесь можно только «сидеть всё время, как истукан, и думать»? (С. VIII, 120). Жесты Рагина (дрожали руки) отражают иные мысли: он боится того, что Иван Дмитрич «увидит, что он в халате», и какие слова скажет.

Устраняется разговор, больные теперь называются умалишенными, в контексте – мелкими. Доктор признается Громову о своем малодушии, когда тот проснувшись, злорадно смеется над ним: «а вы пофилософствуйте» (С. VIII, 122). По его мнению, доктор теперь платит за свои грехи: и из него «будут пить» кровь (С. VIII, 121). Чувствуя свою мелочность, Рагин защищает тем, что он – как определяет себя – «мелюзга» (см. амёба), которая своим «умничанием», «безобидными» умозрениями не делает никому вреда. Однако именно они будут подвергнуты критике теперь, когда герой испытывает мерзость на себе.

Доктор теряет свой статус, ум и гордость, признаваясь в слабости и глупости при таких вопросах самоосмысления, как: «Умному, образованному, гордому, свободолубивому человеку, подобно божию, нет другого выхода, как идти лекарем в грязный, глупый городишко» (С. VIII, 122). «Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом...» (С. VIII, 122). В этих фразах обобщаются и переосмысливаются все слова, о которых выше говорилось. Рагин суммирует и трагизм судьбы Громова: «Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели...» (С. VIII, 122).

Громов продолжает развивать свои обычные мысли об отсутствии «награды за страдания». Повтор фонической секвенции *-or* маркирует «громовые» признаки речи героя: «...проворчал он. – И что горько и обидно, ведь эта жизнь кончится ... смертью; придут мужики и потащут мертвого за руки и за ноги в подвал. ... Зато на том свете будет наш праздник... Я с того света буду являться сюда тенью и пугать этих гадин» (С. VIII, 122).

Предсказание о форме смерти точно так и сбывается для Рагина, судьба остальных остается вне рамок повести.

Первый раз в повести появляется «холодная, багровая луна» (С. VIII, 121) и начинает играть определенную роль. Она получает признак гневных героев: «багровая». Недалеко от флигеля стоит тюрьма, тоже холодная и закрытая, как будто двойник больницы: «белый дом, обнесенный каменной стеной» (С. VIII, 121). Подобное же чувство вызывает здание, призванное использовать огонь: «далекий пламень в костопальном заводе» (С. VIII, 121). Все эти элементы становятся мотивами текста (см. ниже). Рагин в этот момент переживает страх за действительность. Бывший почтовый сортировщик с орденом, который «улыбался и лукаво подмигивал глазом» (С. VIII, 122) тоже показался врачу страшным. Доктор успокаивает себя, что и психически здоровые люди тоже носят награду, так что нет разницы между здоровыми и больными. Между тем для читателя демонстрируется различие между чиновническим орденом и наградой, о которой Громов говорит. Это становится ясным и для врача.

Рагин уверяет себя, что не стоит бояться, но перенятое действие почтмейстера (уверение) является только самообманом. Мысли о том, что «всё со временем сгниет и обратится в глину» (С. VIII, 122) в данных условиях уже не могут успокоить его. Желание выйти, освободиться из палаты выражается в жесте Рагина: он «ухватился обеими руками за решетку» (С. VIII, 122) и потряс ее. Ум не приходит на помощь и герой падает духом, его физический облик покрывается холодным потом (ср. луна тоже холодная.)

Следуя привычкам, герой требует огня для курения, что в переносном смысле может оказаться противостоянием холоду. Но Никита «загородил ему дорогу» (С. VIII, 124). Анаграмма соседних слов напоминает главный признак города как ограждения: Никита «захлопнул дверь и прислонился к ней» (С. VIII, 124). Сторож не разрешает Андрею Ефимычу даже по «двору пройти», так как это считает беспорядком. Настоящий бунт однако только и с этого начинается. Главные герои и вербально (криком), и физически (стуча кулаками в дверь) дают волю своему желанию освободиться из заперти. На требования отворить дверь сторож только равнодушно побуждает их продолжать говорить.

Громов обвиняет всеобщее насилие: «никто не может быть лишен свободы без суда» (С. VIII, 124). Он же ищет справедливости для праведных заключенных и наказания для грешных свободных. Формируется мысль о намеренном умерщвлении людей, тем самым устанавливается связь между гниением вещей и людей. В палате не хватает ни воздуха, ни соответственно, духа, как это чувствует и врач: «я задыхаюсь» (С. VIII, 124). Хоботов утром еще приказывает Никите покурить в палате чем-нибудь, чтобы освежить воздух, но никаких изменений не происходит. Громов вину перекладывает на «негодяев», которые не могут быть прощены: «Убийцы!». Их олицетворяет Никита, называемый «тупой скотиной» и «живодером» (С. VIII, 124).

Громов попытается разгромить дверь своей головой. Другие больные не мыслят, поэтому и не осознают свое положение. Главные герои же из-за своей способности мыслить и чувствовать, сильно переживают его. Если разбить голову, то мучения сознания должны закончиться. Никита в ответ грубо избивает бунтарей. Громов реагирует на удары соответственно своей фамилии: «Громко вскрикнул» (С. VIII, 125). Доктор же первый раз в жизни испытывает боль и страдание: потекла его кровь, как Иван Дмитрич и предвещал: «громадная соленая волна накрыла его с головой» (С. VIII, 125). Состояние героя сопоставляется с утопанием: «желая выплыть, замахал руками и ухватился за чью-то кровать» (С. VIII, 125). Врач лишается слова.

В связи с описанием состояния врача и повторяется мотив луны: «Жидкий лунный свет шел сквозь решетки, и на полу лежала тень, похожая на сеть. Было страшно» (С. VIII, 125). Лунный свет бросается на палату из-за решеток, как будто охватывает ее сеть. Металлическое сравнение развивает мысль о боли и страха: «Точно кто взял серп, воткнул в него» (С. VIII, 125). В голове героя наступает осмысление, «что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день эти люди, казавшиеся теперь при лунном свете черными тенями» (С. VIII, 125). Лунный свет не освещает людей, а превращает их в тени. Теперь страшной и невыносимой становится не ситуация в палате – среда, а именно мысль, которая постигает героя, как озарение или скажем от себя, удар молнии. Совесть наделяется атрибутами Никиты – молчаливостью, грубостью и холодом: «такая же несговорчивая и грубая», заставила врача «похолодеть» (С. VIII, 125). Она заставляет героя замолчать (смена слова).

Доктор не в состоянии выразить громко свою боль, но хочет крикнуть. Он разрывает на себе халат и теряет сознание (ум): «без чувств повалился на кровать» (С. VIII, 125). Утром он чувствует физическую боль как раз в органе мышления: «болела голова, гудело в ушах» (С. VIII, 125). Маркируется разница между вчерашним вечером и сегодняшним днем как переход границы сознания и слова / бессловия: он «был вчера малодушен, боялся даже луны, искренне высказывал чувства и мысли, например, «мысли о неудовлетворенности философствующей мелюзги» (С. VIII, 125). Но теперь ему «всё равно», «лежал неподвижно и молчал», а под вечер «умер от апоплексического удара» (С. VIII, 126). Герой чувствует тошноту, которая, как при разговоре с почтмейстером, поднимается и охватывает его и его ум – голову: и «залило глаза и уши», как волна. Даже в последнюю свою минуту врач не принимает бессмертия.

В последнем абзаце повести нарративный текст уступает место особому метафорическому дискурсу Чехова. Герой по имени Рагин (ср. олени рога), видит перед смертью: «Стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных, о которых он читал вчера» (С. VIII, 125). Наблюдается будто самоотождествление: жизнь героя проходит мимо. Кроме того, он будто отказывается и от почтовых услуг, то есть всего того, что представляла собой и его жизнь, олицетворяемая словом Михаила Аверьяныча: врача

потянуло, как «баба протянула к нему руку с заказным письмом...». Потом «Андрей Ефимыч забылся навеки» (С. VIII, 126).

Врача убирают точно так же, как это и предвещалось почтмейстером и Громовым: «Пришли мужики, взяли его за руки и за ноги и отнесли в часовню» (185). Мотив луны теперь повторяется в форме освещения трупа. Однако труп репрезентируется как живое существо: он «лежал с открытыми глазами, и луна ночью освещала его» (С. VIII, 126). Озарение равнозначно наступлению новой жизни в смерти.

Текст еще раз отсылает к антагонистам, оставшимся в живых. Они ведут себя буквально так, как от них ожидается, то есть не претерпевают изменений. Благолепный фельдшер Сергей Сергеич «помолился на распятие и закрыл бывшему начальнику глаза» (С. VIII, 126). Сентиментальные, но не искренние персонажи присутствуют на последнем пути Рагина: «Через день его хоронили. На похоронах были только Михаил Аверьяныч и Дарьюшка» (С. VIII, 126).

Таким образом, мотивный план детально развертывает осмысление главного героя повести.

Литература

- А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947.
- Скафтымов А.Н. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 381–386.

Молнар Ангелика – PhD доцент, Институт Славистики, Дебреценский университет.

Molnár Angelika – PhD, associate professor, Institute of Slavistics, University of Debrecen.

Contact details / Dane kontaktowe:

Molnár Angelika – Institute of Slavistics, University of Debrecen Debreceni Egyetem: 4032 Debrecen, Egyetem tér 1.

